

Мне было, наверное, лет двенадцать. Мы шли с дедом по южно-уральским увалам в окрестностях хутора Остроумовки, названного по девичьей фамилии матери академика Курчатова, отца будущего отца советской атомной бомбы. Хутор этот лежал недалеко от села Насибаш нынешнего Салаватского района Башкирии, где в Гражданскую войну проходили самые кровопролитные бои, вошедшие даже в «Краткую историю Гражданской войны», как решающие в судьбе Восточного фронта. Так вот дед на одном из увалов подвёл меня к одиноко лежащему камню: «Запомни, здесь лежат белые, придёт время, о них люди вспомнят, потому как они тоже были русские люди и тоже любили Россию. А пока молчи. Смотри, никому не говори, могут быть большие неприятности».

Прошло время, умер дед, исчез и хутор Остроумовка в результате ещё хрущевской «перестройки». Пропал камень. Скорее всего, его увезли, не подозревая о его назначении, на фундамент дома соседние мусатовские мужики, и через много лет, когда из меня начисто выветрился пионерский дух, я не смог найти этой могилы. Нет да и не было ни одной обозначенной могилы солдат Белой армии и по всей России. Погибших просто забрасывали землёй, чтобы собаки не растаскивали. А над теми, которые были, став взрослым, надругались и сравнивали с землёй, чтобы ничто о них не напоминало...

Я, искал могилы русских изгнанников в Сербии, Черногории, Греции, Италии, Франции, Чехии... Они есть по всему миру: в Германии, США, Парагвае, Аргентине, Австралии и даже на экзотических островах Папуа Новой Гвинеи. Во Франции я найду могилу бывшей владелицы санатория Шафраново Ирен де Юрша, в девичестве Ирины Переяславльцевой де Гас, которая оставила после себя потрясающие, полные любви к России, воспоминания «Моя былая Россия». Её брат, Дмитрий де Гас, в 16 лет уйдёт добровольцем в разведку Марковского офицерского полка, взяв псевдоним Дмитрий Донской: и потому, что родственников добровольцев расстреливали без суда и следствия, и потому, что в юном французе проснётся дух Дмитрия Донского. На приказ командующего французскими войсками генерала Жанена, что он, как француз, должен ехать во Францию, чтобы учиться там в военном училище, он ответит: «Сначала я буду защищать от большевиков родину матери, а потом, как француз по отцу, буду служить Франции». Он станет участником Кубанского Ледяного похода, у него на руках умрёт поздно прозревший тяжелораненый генерал Корнилов, и он погибнет в неполных 18 лет под Киевом, прикрывая отступающие белые части. Когда в Париже я позвоню Марине Грей, дочери генерала Деникина, и спрошу, не слышала ли она о добровольце Белой армии Дмитрие де Гас, она ответит: «Вы, наверное, не читали

мои книги. Я написала об этом юноше, как об одном из самых бесстрашных рыцарей Белой Армии». Ирен де Юрша всю жизнь мечтала увидеть Россию без большевиков и хотела узнать, сохранилась ли церковь в Шафранове. От церкви, конечно, не осталось и следа. В её восстановление вложил душу уроженец Шафранова, не виноватый в уничтожении церкви, но чувствующий нашу общую вину за порушенное, — это свойство истинного русского человека, — Виктор Александрович Пчелинцев, председатель попечительского совета Аксаковского фонда. А племянник, бывшей владелицы Шафранова, чистый француз, профессор католического университета, не знающий русского языка и никогда не бывавший в России, которого я нашёл в сельской глубинке Франции, передал мне 1000 евро в фонд восстановления церкви. Мы добавили недостающую сумму от Аксаковского фонда, и он уже на смертном ложе, умирающий от рака, продиктовал надпись на колоколе: «В память семьи де Гас, жившей в Шафранове в 1910–1917 годы и беззаветно любившей Россию»¹.

В Болгарии, у подножья знаменитой Шипки, я наткнулся на кладбище русских офицеров, которые во время освобождения Болгарии от османского ига Россией, вдохновлённые призывом нашего великого земляка Ивана Сергеевича Аксакова, сына Сергея Тимофеевича Аксакова, воевали на Шипке юными прапорщиками и вынуждены были возвращаться сюда, спасаясь от неминуемой смерти в Гражданскую войну, уже полковниками и генералами. В меру своих скромных сил, каждый раз прилетая в Болгарию, я пытался спасти кладбище от окончательного забвения, начав с того, что, взяв в руки бензопилу, стал убирать с могил повалившиеся деревья. Потом я узнаю, что у меня найдутся последователи, будет создан фонд спасения кладбища, который возглавит русский офицер, этнический немец Иван Мучлер. В книге белорусского писателя Вячеслава Бондаренко, присланной мне, я обнаружу: «Потребовались годы для того, чтобы отношение к заброшенным русским погостам за рубежом изменилось. Первым вслух заговорил о Русском кладбище на Шипке, как о безвозвратно уходящей культурной ценности, писатель Михаил Андреевич Чванов, ныне возглавляющий Мемориальный дом-музей С. Т. Аксакова и Аксаковский фонд. Он первый, кто своими силами начал приводить кладбище в порядок, и первый, кто посвятил Русскому некрополю на Шипке прочувствованные строки в книге „Время Концов и Начал“ (1994г): „И вот я, наверное, первый из русских, кто не тайком, а на глазах сотен людей в советское время возложил к их могилам цветы. В советское время болгарские власти стыдливо прятали это кладбище за забором, туристов из СССР старательно обводили стороной. Тогда на некоторых могилах можно было прочесть таблички на крестах: ‘Полковник Василий Васильевич Луговенко (1935), <Генерал-майор Николай Дмитриевич Мануйлов (1932)... Русская женщина, брошенная в Казанлык превратностями судьбы, отдала мне уникальные реликвии — раздаточные листки пожертвованных нищенствующим последним русским офицерам и их семьям... Я определил их в Мемориальный дом-музей С. Т. Аксакова в Уфе. Его сын Иван Сергеевич Аксаков, в своё время подвинул русское правительство на освобождение болгар от османского ига>. Эти сбережённые М.А Чвановым ведомости, с его любезного согласия были использованы при написании этой книги».

С замечательным телережиссером документалистом Венерой Юмагуловой мы потом сняли фильм «Исход. Долгое возвращение», посвящённый тем страшным годам. Так называемая Великая Октябрьская социалистическая революция — это «Красный

---

¹ Более подробно этот французский след на башкирской земле мною описан в журнале «Аргамак. Татарстан» в 2010 году, № 2 (4). Очерк назывался «Увидеть Париж и умереть, или повесть о Дмитрие Донском — потомке французских крестоносцев».

ИГИЛ», целью которого была мировая революция, а России в ней отводилась роль только в качестве дров в топке мировой революции.

Основой фильма, который снимался в Уфе, Севастополе, Болгарии, Черногории, Боснии, послужила судьба моего дорогого друга, полковника ГРУ Александра Белякова, с которым меня свела и развела война в Югославии. Через много лет я случайно обнаружу его снова в одной из республик бывшей Югославии, в Черногории, куда он вернётся после многих других горячих точек, в том числе, после Чечни и спасёт русское воинское кладбище времён Русского Исхода, по благословлению Иоанна Крестьянкина поставит на нём храм во имя Фёдора Ушакова и станет в нём старостой. И приготовит здесь себе могилу, решив лечь вместе с печальными русскими изгнанниками. Но его могила, скорее всего, останется пуста. Нынешнее правительство Черногории, связанное с международным наркотрафиком и бросившее страну в НАТО, сначала не продлило ему вид на жительство, а потом объявило его персоной нон-грата. С Русским Исходом ушло за рубежи России около трёхсот тысяч жителей с территории нынешней Башкирии. Только с Оренбургской армией Дутова ушло от Стерлитамака более 100 тысяч войска и беженцев: русских, башкир, татар, чувашей, мордвы... А после гибели генерал-лейтенанта Дутова в составе собранного из остатков армии Оренбургского корпуса, возглавляемого русским генералом, черногорцем по крови Бакичем, на прорыв через монгольские безводные пустыни пойдёт татаро-башкирский эскадрон Зеленого Знамени, но и он сложит свои головы.

Мало кто знает, что возглавить так называемую Русскую освободительную армию (РОА), созданную во время Второй мировой войны Гитлером совместно со Сталиным, Гитлер первоначально предложил не генералу-предателю Власову. «Причём здесь Сталин?» — спросите или даже возмутитесь вы? А при том, что, кроме бывших белых, которые в Гражданскую войну, спасаясь от неминуемой смерти, с боями ушли за границу и которые люто ненавидели большевиков и наивно надеялись с помощью Гитлера освободить от них Россию, в РОА шли от безысходности дальнейшей судьбы и пленные красноармейцы, счёт которых уже в первые дни Великой Отечественной войны шёл на миллионы. Шли, потому что товарищ Сталин своим приказом объявил, пленных, независимо от того, как они попали в плен, вне закона, предателями и врагами народа, хотя в большинстве своём они таковыми не были, а в плен попали в результате «гениального» руководства армией в первый год войны. Шли, чтобы не умереть с голоду, потому как товарищ Сталин, собираясь вести только победоносные войны на чужих территориях, не подписал соглашение с Международным Красным Крестом о статусе военнопленных, и пленные англичане, французы, по сравнению с пленными красноармейцами, в страшных для русских военнопленных немецких лагерях, можно сказать «жировали» — к ним, не считая посылок Красного Креста, даже приходили посылки из дому.

Да, Гитлер долго не соглашался утвердить бывшего любимца Сталина генерала-предателя Власова на должность командующего РОА, резонно отвечая суетящемуся по этому поводу Геббельсу: «Предавший один раз, предаст и во второй». И даже в конце концов поддавшийся на уговоры и подписав приказ о назначении Власова командующим РОА, категорически отказался от встречи с ним.

Так вот мало кто знает, что первоначально предложение возглавить РОА было сделано другому русскому генералу, одному из самых непримиримых и выдающихся полководцев Белой армии во время Гражданской войны генерал-лейтенанту Сергею Николаевичу Войцеховскому, который, как и генерал Деникин, отказался сотрудничать с Гитлером. Ответ генерала Войцеховского был резок и короток: «Я большевиков ненавижу, но воевать против русского солдата никогда не буду», за что, живущий

тогда в Праге, стал поднадзорным гестапо, а ищейки НКВД и СМЕРШ, вошедшие в Прагу вслед за победоносной Красной Армией в мае 45-го, по-большевистски отблагодарили его за этот отказ — арестовали, а потом сгноили в концлагере в Сибири.

Сергей Николаевич Войцеховский родился 28 октября 1883 года в Витебске в семье полковника царской армии. Его карьера была предreshена. После окончания гимназии он поступает в элитное Константиновское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге. Окончив его с отличием, он в звании подпоручика направляется к месту своей первой службы на Кавказ. Вскоре, по его настоятельным рапортам, был направлен в действующую армию на Дальний Восток. Но принять участие в русско-японской войне не успел, так как, пока он ехал, с Японией был подписан мирный договор. По возвращении был назначен на должность инструктора 5-го стрелково-артиллерийского дивизиона, где его знания были высоко оценены командиром части — полковником Темниковым, на дочери-красавице которого он вскоре женится.

В 2003 году я наткнулся на могилу полковника Темникова на Русском Ольшанском кладбище в Праге, недалеко от могилы выдающегося русского ученого евразийца П. Н. Савицкого и писателя Аркадия Аверченко. Возможно, сейчас этой могилы уже нет. По истечению срока аренды, если некому её дальше оплачивать, могилу втихую ликвидируют, и постепенно кладбище становится чешским. Сразу с благодарностью вспоминаешь Владимира Владимировича Путина, который спас от подобной судьбы кладбище русских беженцев Сент-Женевьев де Буа под Парижем.

Полковник Тёмников в 1908 году даёт С. Н. Войцеховскому отличную рекомендацию для поступления в Николаевскую Академию Генерального штаба. В 1912 году, став уже капитаном, Войцеховский заканчивает учёбу по первому разряду, с золотой медалью и одновременно за отличную учёбу получает — орден Св. Станислава 3-й степени. Имея право вольного выбора, он выбирает местом дальнейшей службы гренадерскую артиллерийскую бригаду Московского военного округа. После года службы в ней его переводят в штаб Московского военного округа. Параллельно со службой заканчивает Московское авиационное училище, получает звание военного лётчика.

С первого дня Первой мировой войны С. Н. Войцеховский на фронте, где проявил себя храбрым и умеющим думать тактически и стратегически офицером, что нашло своё отражение в полученных им в короткое время наградах — орденах Св. Анны, Станислава с мечами и лентой, и даже ордена Св. Владимира с мечами и бантом, которыми награждались лишь офицеры, выдержавшие бой под угрозой смерти. В конце

*Генерал-майор Белой армии
С. Н. Войцеховский (1918 год)*

1914 года ему присваивается звание штабс-капитана, а в 1915 году он уже занимает должность начальника штаба дивизии. После лечения от ранений, полученных в районе Молодечно (в ногу и под лопатку) Войцеховский возвращается в строй уже в качестве начальника штаба 2-й Кавказской гренадерской дивизии, действующей в районе Вилейки (Белоруссия), но вскоре назначается начальником штаба 126-й пехотной дивизии на Румынском фронте, а в конце августа 1917 года получает совсем неожиданное назначение — начальником штаба 1-й дивизии формируемого Чехословацкого корпуса в составе Русской армии. После знаменитой битвы у Зборова, где отличились воевавшие на русской стороне чехи и словаки, началось формирование чехословацких войск из военнопленных австро-венгерской армии, которые добровольно вступали в корпус, чтобы воевать с Германией на русском фронте. Корпус, который сами чехи и словаки называли легионом, подчинялся созданному Чехословацкому национальному совету, целью которого было создание на территории поверженной Австро-Венгрии своего Чехословацкого государства

Октябрьский большевистский переворот коренным образом изменил ситуацию. Так как Российской империи больше не существовало и русская армия была распущена, 16 декабря 1917 года правительство Франции признало Чехословацкий легион самостоятельным воинским подразделением под руководством французского верховного командования. По договорённости с правительством Советской России легиону было предписано по Великой Транссибирской магистрали следовать воинскими эшелонами через всю Россию во Владивосток и уже оттуда морским путём переправиться во Францию, чтобы воевать против Германии на западном фронте. Но в марте 1918 года большевики заключают с Германией, с которой у них и до революции были амурные отношения, паскудный Брестский мир, одним из тайных соглашений которого было всячески препятствовать продвижению Чехословацкого корпуса на восток. Подразумевалось, по возможности, его разоружить, и превратить две его дивизии из боеспособных воинских частей, в голодающий мародёрствующий сброд, что в будущем большевики «самым лучшим образом» и осуществили. По приказу Троцкого эшелоны сутками задерживались даже на небольших полустанках, а потом поступил его приказ о разоружении корпуса, чехи отказались, это дало основание Троцкому объявить их врагами революции. Всё это спровоцировало мятеж чехословацких частей сначала в Челябинске, а потом по всей линии Транссибирской железнодорожной магистрали. А мятеж Чехословацкого корпуса, в свою очередь, стал запалом Гражданской войны, так как у огромной части населения России, от её распущенной армии (прежде всего офицерства) появилась реальная надежда покончить с большевиками, которые в короткое время успели показать себя как враги, прежде всего, трудового народа.

С. Н. Войцеховский, не принявший революцию, остаётся в Чехословацком корпусе, прежде всего, как он для себя решил, для координации восставшего корпуса с частями стихийно возникшей Народной армии КОМУЧа. Вместе они уже представляли мощную антибольшевистскую силу. В начале мая 1918 г. поездные составы корпуса, сбивая заслоны красных, под командованием Войцеховского пробивались в Челябинск. 20 мая 1918 года Сергей Николаевич присутствует на Съезде делегатов всех частей корпуса, где его вводят в Военный Совет, созданный для координации действий разрозненных групп и установления связи с местными антибольшевистскими организациями. 26 мая 1918 года Войцеховский жёстко подавляет выступление челябинских большевиков и разоружает два «интернациональных» полка из немцев и австрийцев, захватив большие трофеи. Впоследствии, уже в июне 1919 года, он будет награждён за это А. В. Колчаком Георгиевским крестом 4-й степени. Смелым манёвром занимает железную дорогу Челябинск — Златоуст, разгромив удерживающие её отряды красных,

после чего приказом командующего Чехословацким корпусом Радолы Гайды назначается командующим чехословацкими войсками Челябинской группы и Уральского фронта. Но уже 11 июня 1918 года решением отделения Чехословацкого национального совета в России Войцеховский производится в полковники и назначается начальником Западной группы чехословацких войск. В июне 1918 года Западная группа под его руководством взяла г. Троицк. Проведя успешные бои против красных на южно-уральских железнодорожных станциях Бердяуш, Усть-Катав, 6 июля 1918 года на станции Миньяр он осуществляет соединение вверенных ему сил с Пензенской группировкой корпуса.

Эти успехи окрыляют и заставляют думать о реальной возможности вместе с частями Народной армии похода на Москву, но он, получив сведения о находящейся в Екатеринбурге в лапах большевиков царской семье, резко разворачивает свои части на север, на Екатеринбург, но здесь красные войска неожиданно оказывают жестокое сопротивление. Порой Войцеховский лично возглавлял наступающие части, но, увы, получилось так, что успех его наступления предопределил судьбу Николая Второго и его семьи. Большевики перед тем, как бежать из Екатеринбурга, за десять дней до взятия Войцеховским города расправились с царской семьёй. 17 октября 1918 года «за отличия в боях и выдающуюся службу» Войцеховский Чехословацким национальным советом был произведён в генерал-майоры и назначен командующим объединённой с Народной армией Самарской группой войск. Под его командованием велись оборонительные бои в Поволжье, не только остановив наступление красных, но и отбросив их за реку Ик. Тем самым упрочилось положение белых на Самарском фронте. С конца октября по декабрь 1918 года он — командующий Уфимской группой войск, на базе которой позже будет сформирована Западная армия генерала Ханжина. В Уфе Войцеховский с недоверием был встречен белыми войсками, где осенью сложилась тяжёлая ситуация из-за наступления красных войск, но своими решительными действиями быстро завоевал их симпатии. В это время он порывает с эсеро-меньшевистским Комитетом Учредительного собрания, которому подчинялась Народная армия, и который своими распоряжениями только мешал войскам, после чего запретил эсеровским агитаторам посещать воинские части, опасаясь их разложения. Войцеховский, создав маневренную группу из семи чехословацких батальонов в районе Белебея и разместив добровольческие части уже прославившегося подполковника Каппеля в центре своих позиций, 10–18 ноября 1918 года разбил этими силами красных на направлениях Белебей — Уфа. В конце ноября — начале декабря 1918 года для замены измотанных частей Каппеля он бросил в бой небольшие силы отряда восставших против большевиков ижевских рабочих под командованием капитана Молчанова, которые потеряли в этих боях и от морозов до 40 процентов своего состава, но выполнили приказ Войцеховского.

После прихода к власти 18 ноября 1918 года путём военного переворота адмирала А. В. Колчака и объявления им себя Верховным правителем России на время войны нарастают противоречия между ним и командованием Чехословацкого корпуса. А. В. Колчак требовал подчинения себе всех противобольшевистских вооружённых сил, руководство корпуса этому сопротивлялось. С. Н. Войцеховский оказался в сложном положении. Чехов меньше всего интересовала судьба России, и чем дальше они двигались на восток, тем больше корпус превращался в сборище мародёров. Ими практически была захваченная Транссибирская железнодорожная магистраль почти на всем её протяжении. Чехословацкий совет своим указом как бы «приватизировал» её, и позже, уже за Уралом, отступающие белые части, беженцы, раненые тащились по бездорожью по обе стороны железной дороги, по которой шли чехословацкие составы

с награбленным добром. Братья-славяне в Гражданскую войну вели себя в России ничуть не лучше немецких оккупантов во время Великой Отечественной. Позже, уже в Сибири, своим мародёрством чехословацкие части спровоцируют несколько крупных крестьянских восстаний против белых, полагая, что они и белые — одно и то же.

Но это позже. А пока Войцеховский принимает принципиальное для себя решение и переходит на службу в Русскую армию. Приказом от 8 марта 1919 года Верховного правителя России А. В. Колчака в подтверждённом чине генерал-майора он назначается на самом ответственном участке фронта командующим 2-м Уфимским корпусом, во главе которого отражал весеннее наступление белых 1919 года в боях под Уфой, Златоустом и Челябинском. С августа 1919 года он — командующий Уфимской группой войск. Войска под его началом снова отбили Уфу, Бугульму, Чистополь и ещё несколько городов.

В ходе Тобольской операции белых 1 сентября 1919 года при тяжёлом положении своего правого фланга Войцеховский перешёл в наступление, полностью выполнив задачу ударом во фланг 27-й стрелковой дивизии большевиков. После этого повернул свои силы на север и сбил врага на фронте Сибирской армии, чем позволил ей наконец начать контрнаступление. За это 12 сентября 1919 года был награждён орденом Св. Георгия 3-й степени.

Фигура Войцеховского далеко не устраивала большинство променьшевицко-эсеровского руководства Белой армии, так как он был сторонником жёсткой армейской дисциплины. 20 ноября в селе Усть-Тарка за самовольное оставление фронта он застрелил командира Северной группы войск генерал-майора Петра Гривина (Петериса Гривиньша), который своим отходом вынудил отступить южную группу Войцеховского. После этого назначил войскам нового командующего А. В. Бордзиловского и приказал им с боем вернуть оставленные позиции. После доклада А. В. Колчаку об этом происшествии Сергей Николаевич получил благодарность за наведение в армии порядка.

Стратегический талант Войцеховского особо проявился в последний период Гражданской войны на востоке России. Видя неизбежность поражения в создавшейся ситуации, осложнённой предательством чехов и эсеров, он ставит своей задачей спасение остатков армии. 5–6 января 1920 года он успешно выводит вверенные ему войска под Красноярском из окружения, устроенного большевиками и восставшими эсерами. 7 января, не вступая в Красноярск, переправляется через Енисей. После этого отходит на реку Кан, где 15 января получает приказ о назначении его командующим Московской группой войск. С этого момента начинается тяжелейший поход в зимних условиях по сибирской тайге, который потом войдёт в историю как Великий Сибирский Ледяной Поход. За потворство чехов большевикам во время этого изнурительного похода Войцеховский вызвал их командующего генерала Сырового на дуэль, от которой тот уклонился. Через много лет, при других обстоятельствах, перед Второй мировой войной судьба их сведёт снова, и генерал Сыровой поступит снова предательски, но только уже по отношению к своей родине, Чехословакии.

Тяжело больной, с обмороженными ногами, после того, как на реке Кан, идя в пешей колонне, провалился в прорубь, командующий войсками Восточного фронта генерал-лейтенант В. О. Каппель отказывается от «милостивого» предложения чехов забрать единственно его в свой санитарный вагон. Каппель решил разделить свою судьбу с судьбой полуголодных вверенных ему войск, уходящих в жестокие прибайкальские морозы. Операцию по ампутации обмороженной ступни проводят кухонным ножом прямо в санях-розвальнях, начинается гангрена, генерал уже не может самостоятельно сидеть в седле, и его привязывают к седлу. Уже при смерти 21 января

своим приказом он назначает С. Н. Войцеховского командующим всеми войсками Восточного фронта в составе группировки примерно в 30 тысяч человек: 1-й, 2-й и 3-й стрелковые корпуса, казаки Анненкова, бригада Красильникова, солдаты генерала Волкова, одна из самых стойких и непримиримых к большевикам воинских частей Ижевско-Воткинская добровольческая рабочая дивизия, добровольцы Вержибичского, части отдельных номерных дивизий... И, боясь надругательства над телом любимого командующего, солдаты повезут и понесут его на руках тяжелейшим многосоткилометровым путём по горно-таёжному бездорожью в сильнейшие морозы, далее через Байкал вплоть до Читы, а потом тайно похоронят в Харбине.

Но перед этим, узнав о выдаче братушками-чехами красным А. В. Колчака, чтобы те их с награбленным добром пропустили дальше на восток, 29 января 1920 года Войцеховский повёл наступление вдоль железной дороги в сторону Иркутска. 30 января около станции Зима разгромил красные войска Нестерова. Были разбиты, по меньшей мере, 3 эшелона красных. 1 февраля он занял Черемхово, предместье Иркутска. После этого разбил группу прикрытия красных под Усольем, вплотную подойдя к городу. Самые тяжёлые бои были 5–6 февраля около деревень Суховка и Олонки. 6 февраля Войцеховский выдвинул ультиматум красным: 1. Ответи их войска к северу. 2. Выдать Колчака и государственный золотой запас. 3. Обеспечить белую армию продовольствием, фуражом, тёплой одеждой на 50 тысяч человек. По просьбе иркутских красных властей, чехи и словаки начали с Войцеховским вести переговоры об условиях прохода его сил через Иркутск.

Узнав о расстреле А. В. Колчака, С. Н. Войцеховский прервал переговоры. Перед тем понёсший тяжёлые потери (большая часть его войск представляла из себя тифозный лазарет) и, имея огромные проблемы с боеприпасами и продовольствием, он не стал штурмовать Иркутск. Его армия двумя походными колоннами обогнула город и по реке Ангаре поднялась к Байкалу. 14 февраля в лютую стужу войска переправились на его восточный берег. Войска были спасены.

20 февраля атаман Семёнов назначил Войцеховского командующим войсками Российской Восточной окраины. Но С. Н. Войцеховский не находит общего языка с атаманом Семёновым, склонным к грабёжам и беспорядкам, и вскоре перебирается на другой фронт — в Крым, к генералу П. Н. Врангелю, где по личной просьбе Врангеля фактически руководит всей эвакуацией и в ноябре 1920 года вместе с последними частями эвакуируется в Константинополь. В Стамбуле С. Н. Войцеховский занимался организацией возвращения желающих вернуться на родину солдат, но сам надеется уехать с семьёй в Чехословакию. В большевистскую Россию путь ему был закрыт. На обращение к правительству Чехословакии пришёл ответ, что страна будет рада принять боевого генерала, так много сделавшего для Чехословакии, и в случае принятия им её гражданства она признает его генеральское звание. И летом 1921 года С. Н. Войцеховский был принят на службу в армию Чехословакии — командиром 9-й пехотной дивизии в словацком городе Трнава. В 1927 году его назначают командующим военным округом в Брно, а через два года ему присваивают звание генерала армии.

В 1935 году новое назначение — командующим Пражским военным округом, несмотря на противодействие начальника Генерального штаба генерала Людвика Крейчи. Их взаимная неприязнь уходит корнями ещё в сибирско-легионерские времена. С. Н. Войцеховскому была вверена самая крупная группировка чехословацкой армии, которую он реформировал по своему усмотрению и усиленно обучал. В результате Чехословакия к 1938 году имела отмобилизovanную, обученную и хорошо вооружённую армию, численностью в 1,6 миллиона человек, а с учётом резервов — до двух миллионов. Вероятный будущий противник — Германия — имела превосходство только

в самолётах. В это время обстановка в Европе уже стала накаляться, реально запахло войной. С. Н. Войцеховский начинает форсировать строительство оборонительно-фортификационных сооружений вдоль чешско-германской границы и готовить армию к противостоянию возможной агрессии. В результате, на границе с рейхом Чехословакия стала иметь полосу мощных железобетонных укреплений. Послевоенный президент уже социалистической Чехословакии генерал армии Людвик Свобода говорил, что «пограничные укрепления были совершеннее хвалёной немецкой линии Зигфрида или знаменитой французской линии Мажино. После захвата пограничных районов нацистские сапёры пытались взорвать эти укрепления, но безуспешно». Гитлеровский фельдмаршал Кейтель, который к началу Второй мировой войны возглавил верховное командование вермахта, потом признавал, что на преодоление этой оборонительной полосы немцы могли бы потратить полгода, и неизвестно, преодолели ли бы они её вообще.

Военно-политическая ситуация обостряется настолько, что 26 сентября 1938 года объявляется всеобщая мобилизация, в городе Кутна-Гора сосредотачивается командование 1-й армии, выдвинутой в направлении возможного удара вермахта. В задачу самой крупной военной группировки входит принятие на себя первого удара. Командующим группировки назначается генерал армии С. Н. Войцеховский.

Однако политическое руководство страны пошло по капитулянтскому пути. Это вызвало возмущение Войцеховского, поскольку в жестоких боях с превосходящими силами противника он никогда не сдавался и даже не помышлял о такой возможности. Его первой мыслью, которой он поделился с друзьями и единомышленниками, генералами Прхалой, Ингром, Гассалом, была мысль о проведении военного переворота и об устранении с политической арены президента Э. Бенеша. Будучи в своё время в близких отношениях с президентом Т. Г. Масариком и оценивая его как государственного деятеля большого формата, к президенту Э. Бенешу С. Н. Войцеховский относился весьма скептически. Предложение о военном перевороте, однако, наткнулось на решительное противодействие опять-таки начальника генштаба Л. Крейчи, усугубив и без того натянутые между ними отношения. Последней попыткой С. Н. Войцеховского переломить ход событий было его выступление на одном из последних перед Мюнхенским соглашением заседаний правительства. С убедительными цифрами о состоянии армии, в сопоставлении её с немецкой, С. Н. Войцеховский призвал присутствующих принять решение об оказании военного сопротивления агрессору.

По воспоминаниям чехословацкого дипломата Яромира Смутного, 30 сентября 1938 года на совещании у президента с участием ведущих политиков и армейского командования, на котором рассматривалось поступившее под утро из Мюнхена требование передать нацистской Германии наиболее промышленно развитую и богатую природными ископаемыми Судетскую область, 90 процентов населения которой составляли этнические немцы, было решено принять условия Мюнхена. Из присутствовавших на совещании, помимо самого Смутного, за вооружённое сопротивление высказались лишь два человека: командующий Пражским военным округом генерал армии Сергей Войцеховский и начальник канцелярии президента Проккоп Дртина. Одним из главных сторонников капитуляции был генерал Ян Сыровый, которого во время Гражданской войны в России С. Н. Войцеховский вызывал на дуэль. Президент Эдуард Бенеш на совещании твердил, что у него есть некий тайный план противодействия Гитлеру, но в Чехии до сих пор горько шутят, что тем планом был аэроплан, на котором через несколько дней президент погибающей страны улетел в Лондон. Финалом совещания стало предложение Крейчи, чтобы не портить отношения с Гитлером,

отправить генерала армии Войцеховского в отставку. Сергею Николаевичу исполнилось тогда 55 лет...

14 марта 1938 года немецкая армия вошла в Чехословакию, а чехословацкая армия была распущена, некоторые части вопреки приказу оказали входящим немецким частям вооружённое сопротивление. Объёмы даром доставшегося чехословацкого оружия ошалевший от счастья Гитлер назвал астрономическими, ведь, он получил ресурсы, достаточные для обеспечения всем необходимым сорока дивизий. Только пулеметов было взято почти 44 тысячи стволов. Танки чешского производства были на острие танковых клиньев во время вторжения во Францию, Бельгию, Голландию, и составляли 40 процентов танковых армий, обрушенных на СССР в 1941 году, не говоря уже о том, что всю войну заводы Чехословакии по производству танков, как и другого тяжёлого вооружения, работали в полную силу.

Многие учёные-геополитики склонны считать, что если бы президент Чехословакии Эдвард Бенеш на утреннем совещании 30 сентября 1938 года прислушался к мнению генерала Войцеховского, за спиной которого стояла готовая драться, хорошо вооружённая армия, иначе могла сложиться судьба не только Чехословакии и Европы, но и даже всего мира. Или, если бы выняли С. Н. Войцеховскому чехословацкие генералы, которым он предлагал путём военного переворота отстранить Бенеша от власти, дело могло не дойти до Второй мировой войны, а если нападения всё-таки бы состоялось, на помощь Чехословакии в соответствии с договором от 1935 года через Польшу могла бы двинуться советская Красная армия, дивизии первой очереди которой стояли уже в боевой готовности у польской границы, более того, было призвано дополнительно более 300 тысяч резервистов.

В сентябре 1938-го года С. Н. Войцеховский был арестован гестапо, его допрашивали, но через две недели отпустили, определив под гласный надзор этого ведомства. Но Войцеховский не мог быть просто пенсионером. В 1939 году он вступает в Русский общевоинский союз (РОВС), отделения которого были во многих странах Европы. Это касалось будущего России. Но он переживал и за будущее Чехословакии. Уже в конце марта 1939 года Войцеховский возглавил подготовку к организации движения сопротивления, получившего название «Защита народа», вошёл в подпольное Чехословацкое правительство, где занимал пост военного министра. Его белогвардейское прошлое и стойкие антисоветские взгляды (он чётко различал русский народ и оседлавший его большевистский режим) не всем в руководстве движения пришлись по душе, особенно с точки зрения возможного в дальнейшем сотрудничества с СССР. С другой стороны, как профессиональный военный, он видел, насколько по-дилетантски относились к вопросам конспирации многие участники движения. Окончательно разочаровавшись в чешских политиках, он уходит из организации.

И вот тогда-то, когда дела у Германии стали идти совсем уж плохо, в его пражскую квартиру вдруг наведальась высокопоставленная военная немецкая делегация. После всяческих комплиментов и любезностей последовало предложение возглавить Русскую освободительную армию (РОА), её возможный командующий генерал-предатель Власов не импонирует фюреру. С той же любезностью на прекрасном немецком языке, а он в совершенстве владел ещё французским, чешским и словацким, Сергей Николаевич ответил, что «он ненавидит большевиков, но никогда не пойдёт воевать против русского солдата». Может быть, этот ответ спас его в дальнейшем, после прихода Красной Армии, от верного расстрела, которого не миновало большинство русских офицеров, 25 лет назад служивших в Белой армии.

В годы Второй мировой войны не только гестапо, но, видимо, и советская разведка не спускала с Войцеховского глаз. Она была поразительно осведомлена о его

пражской жизни, как и о жизни других видных деятелей русской эмиграции. Уже 12 мая 1945 года, т.е. через три дня после освобождения Праги одновременно по заранее заготовленным спискам и адресам приступили к «работе» арестно-расстрельные команды НКВД и СМЕРШ. Такие же расстрельные команды, не покладая рук, «работали» в Югославии, Германии, Болгарии, где был схвачен, а потом бесследно растворился в ГУЛаге начальник инвалидного дома русских беженцев под Шипкой генерал-лейтенант Бредов. В Праге же параллельно с арестами и расстрелами бывших белых офицеров шли расстрелы в госпиталях и больницах тяжелораненых солдат и офицеров восставшей против немцев дивизии РОА под командованием полковника Буняченко. Наши историки Великой Отечественной стеснительно умалчивают, что в мае 1945-го русские два раза брали Прагу. Сначала, 7 мая — восставшая дивизия РОА полковника Буняченко. Чешский национальный комитет попросил её освободить Прагу, чтобы предотвратить её взрыв, какой готовили и польскому Кракову: «Спасите красавицу Прагу!». Обещали солдатам, лишившимся Родины, предоставить чешское гражданство. В Праге я найду старого чеха, который был свидетелем, как теперь уже бывшие власовцы, сбросившие с себя клеймо позора, в той же немецкой форме, только с белыми отличительными повязками на рукавах, шли бесстрашно на немецкие пулемёты. Но уже через день, когда в Праге стала подходить танковая армия Каткуова, чехи снова слёзно взвопили: «Спасите красавицу Прагу! Уходите, не устраивайте уличных боёв с Красной Армией!». И восставшая против немцев дивизия РОА, которая и не собиралась воевать с Красной Армией, глухой ночью, оставив на попечение чехов тяжелораненых, уходила обратно на запад, ведя встречные бои с немцами, надеясь попасть в американскую зону оккупации, зная, что ждёт их в Советском Союзе.

Что тут можно сказать? Чехов можно понять — я не так уж много путешествовал по другим странам, но Прага, несомненно, самый красивый город в Европе. Париж в подмётки ей не годится.

Белый генерал С. Н. Войцеховский был арестован одним из первых, уже 12 мая. Вероятно, он ожидал такого поворота судьбы, так как за несколько дней до взятия Праги сначала дивизией РОА, а потом советскими войсками отправил жену и сына на территорию, занятую американской армией. Но сам он от судьбы не стал прятаться. На что он надеялся? Что учтут, что он, не признавая советской власти, никогда не боролся против своей родины, против своего народа? Его обвинили в участии в организации «Русский общевоинский союз», «которая ставила своей целью вооружённое свержение советской власти и организацию террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства». После нескольких месяцев изнурительных допросов в Бутырской тюрьме его приговорили к 10 годам так называемых исправительных лагерей. Кто-то из надзирателей сочувственно заметил: «Странно, что Вас не расстреляли ни в Праге, ни в Союзе, что Вы получили всего лишь 10 лет лагерей». Но, видимо, вверху, а, может, даже на самом верху, решили, что 10 лет вполне достаточно пожилому человеку, отказавшемуся возглавить РОА. Здоровье у Сергея Николаевича было подорванным. Ещё с Первой мировой войны он страдал тяжёлой формой язвы желудка, да и раны, полученные в Гражданскую войну, давали о себе знать.

До марта 1946 года С. Н. Войцеховский содержался в Бутырской тюрьме, с 1946 года — в Унженском лагере на ст. Сухобезводная Горьковской железной дороги, а с 25 мая 1949 года в Особом лагере № 7 печально знаменитого Озерлага МВД СССР около Тайшета, в тех местах, где он тридцать лет назад воевал с большевиками. «Всего» десять лет! С. Н. Войцеховский, мужественный человек, крепился. Как говорил потом один из его сокамерников, он поставил себе цель — несмотря ни на что, выжить. Девять с половиной лет ему удалось продержаться. Оставалось до свободы полгода.

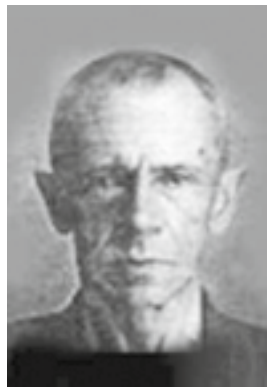
Но не надеялся он на освобождение, зная своё прошлое и не изменяя своим убеждениям. В декабре 1954 года Сергей Николаевич скончался от очередного желудочного кровотечения, хотя стандартная формулировка звучала: «от туберкулёза и истощения». Умер, пережив на год товарища Сталина

По официальной версии С. Н. Войцеховский похоронен на кладбище Центральной больницы № 1 Озерлага вблизи села Шевченко Тайшетского района Иркутской области. Разумеется, точное место захоронения неизвестно, если, конечно, он действительно был похоронен, а не просто брошен в карьерный отвал или не отправлен весной в дальний путь по освободившейся ото льда реке, что тоже было не редкостью.

Пусть с опозданием, но Чехия отдала почести генералу. 28 октября 1997 года президентом республики Вацлавом Гавелом генерал армии Сергей Николаевич Войцеховский был награждён высшей наградой страны — Орденом Белого Льва 1-й степени — посмертно. В декабре 2003 года состоялось открытие его мемориальной доски на здании бывшего командования военным округом Земли Моравско-Силезской в Брно. Одновременно Чешская республика поставила перед властями Российской Федерации вопрос о розыске места погребения и переносе останков генерала для захоронения в Чехию. Однако ответ был не обнадеживающим: «Точное место захоронения не установлено». Это не мудрено, ибо у нас солдаты Великой Отечественной до сих пор не все ещё по-человечески похоронены.

23 октября 2003 года в Праге в православном кафедральном храме святых Кирилла и Мефодия на Ресловой улице, протопресвитером, доктором теологии Ярославом Шуверским была отслужена панихида по убиенному в сибирском ГУЛаге генерале С. Н. Войцеховском. На панихиде присутствовали представители городской власти, парламента и уже немногочисленные знакомые семьи Войцеховских. После долгих лет разлуки, разбросанные по всему миру, собрались в храме и родственники. Неделей позже, возвращаясь в очередной раз с Балкан, я зажгу в этом храме поминальную свечу, а потом поеду на трамвае на Русское Ольшанское кладбище, где в одной стороне от белоснежного храма лежат воины и мыслители Белой России, в другой на некотором отдалении — солдаты Красной Армии, вошедшие с боями в Прагу 9 мая 1945 года. А между ними над небрежным могильным холмом, воздвигнутым, судя по всему, не руками, а бульдозером, стоит чёрный крест, обвитый колючей проволокой, под ним лежат солдаты и офицеры восставшей дивизии РОА, погибшие во время взятия Праги 7 мая и расстрелянные НКВД и СМЕРШ в госпиталях и больницах. Похоже, что даже здесь, на общем русском кладбище, русские не нашли между собой примирения.

В столице Белоруссии Минске, где С. Н. Войцеховский родился, в 2012 году в Музее истории Великой Отечественной войны открыли выставку, посвящённую ему, а у нас в России города и улицы по-прежнему носят имена палачей российского народа. И чем дальше, тем больше в народе тоска по советским временам, по Октябрьской революции. Прежние красные времена многим кажутся чуть ли ни раем, мало кто догадывается, что нынешняя небольшевистская олигархическая власть — прямое продолжение прежней, большевистской. А вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали не знающие своей истории люди по чьей-то подсказке радостно ставят памятники Чехословацкому легиону, якобы «освободителю России от большевиков». Простим чехам и словакам их «освободительный» грех. Они после плена, в который

*Генерал
С. Н. Войцеховский —
заключённый ГУЛАГа*

попали, воюя с Россией, очень торопились домой. А это святое чувство, над которым нельзя иронизировать. И возвращались не с пустыми руками. Известно, что сувенирных лавок в поверженной России вдоль железнодорожной магистрали не было, вот и мародёрствовали славяне, совершая военно-карательные рейды на десятки километров по левую и правую стороны от железной дороги. А потом, сдав большевикам Колчака, прихватили собой и золотой запас России, по крайней мере, часть его, которую Колчак доверил им везти в своих эшелонах. Потом они, правда, упорно отказывались от грабежа. Но люди сведущие говорят, что благодаря ему так быстро встала на ноги Чехословакия (после Первой мировой войны)...

Однажды я возвращался из Аксаковского историко-культурного центра «Надеждино» Белебеевского района Башкирии с престольного праздника храма во имя вмч. Димитрия Солунского, покровителя русского воинства. Под стенами этого храма родился я, и в нём крестили великого славянофила и великого гражданина России И. С. Аксакова, одного из немногих мирских за свои заслуги перед Россией похороненного в Троице-Сергиевой лавре. Мог ли он представить, что многовековый раздрай русского общества, когда одни смотрят на восток, а другие на запад, а родным домом вроде как бы уже и некому заняться, что западные русские воззрения, с которыми он безуспешно боролся, окажутся роковыми для России и приведут к страшной братоубийственной Гражданской войне, и она не разрешит этого раздрая.

Был тихий предзимний ноябрьский день. Я остановил машину на лесной опушке около большого поля, пересечённого небольшими оврагами. И вдруг до меня дошло, что это не просто поле, на котором сеют, а потом убирают хлеба, а поле, где ровно сто лет назад — день в день — произошёл один из эпизодов кровавой российской трагедии. 7 чешских батальонов под командованием генерала Русской армии С. Н. Войцеховского и отряды Русской армии к этому времени уже прославленного полководца, но ещё подполковника В. О. Капеля и отряды восставших против большевиков рабочих ижевских заводов отражали атаки красных частей, которым в случае неудачи отступить было некуда: позади стоял с пулемётами один из заградотрядов, учреждённых товарищем Троцким. Другой вариант: расстреливали каждого десятого. Так поддерживался дух боеспособности Красной армии.

Наверное, лет тридцать назад расширяли дорогу, идущую по этому полю, и наткнулись на две братские могилы по разные стороны дороги. Нынешние мужики — русские да башкиры недолго гадали, которые из них красные, которые белые. В советское время памятники можно было ставить только красным, впрочем, белым не ставят и до сих пор, хотя они любили Россию не меньше красных. А ещё в этом бою участвовали чехи, они были похоронены в одной могиле с белыми.

И мужики рассудили, не согласовывая ни с какими властями, определили всех в общую могилу и поставили общий памятник, надписав: «Жертвам Гражданской войны». И это было правильно...